

Марина Струкова

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ГУБЕРНАТОР ТАМБОВА

После Октябрьского переворота большевики приходили к власти в регионах по-разному — где-то мирным путем, где-то с помощью оружия. В Тамбове не прозвучало ни единого выстрела. Местные большевики не хотели конфликтов и в ноябре 1917-го, несмотря на то, что возможность была, не стали брать власть с помощью солдат — считали, что население к этому не готово. Это было совместным решением Михаила Чичканова и Бориса Васильева, лидеров организации. Оба — уроженцы Тамбовщины, достаточно образованные, талантливые ораторы и организаторы. Стали вести пропаганду, выслушивая упреки в нерешительности и даже контрреволюционности то от Свердлова, то от «левых» эсеров, пока не завоевали симпатии местного пролетариата.

Военной силой сторонников Учредительного собрания был «Ударный батальон». Позже большевики со своими союзниками-рабочими, разделившись на три отряда, один из которых возглавил Чичканов, в начале 1918-го разоружили «ударников» без боя. В тюрьму отправили только нескольких руководителей — во избежание инцидентов. Также без боя заставили отступить группу приезжих «левых» эсеров, которые рвались к власти в регионе.

20 марта 1918 года на пост председателя Тамбовского Губернского исполкома был избран Михаил Дмитриевич Чичканов. Он родился 22 октября 1889 года в селе Беляевка Тамбовского уезда. Потомок донских казаков, переселившихся на Тамбовщину в первой половине XVII века для службы на За-

Марина Васильевна Струкова родилась в поселке Романовка Саратовской области. Окончила Московский экстерный гуманитарный университет (факультет литературы и русского языка), Высшие литературные курсы (семинар Ю. Кузнецова). Работала учителем и сотрудником СМИ. Публиковалась в изданиях «Наш современник», «Москва», «Подъём», «Роман-газета XXI век», «Российский писатель» и многих других. Лауреат конкурсов им. Ю. Кузнецова, им. Н. Некрасова, «Молитва», «Прекрасные порывы», «Добрая лира». Дважды лауреат журнала «Наш современник». Живет в Тамбове.

и на церковной черте. Его отец работал писарем и на общественных началах был старостой церкви Воздвиженского кладбища. Семья, где кроме сына, росли три дочери, была очень религиозной, но просвещенной. Дети читали классику, в частности произведения Сенкевича, Гоголя, Лермонтова, и стремились получить хорошее образование. Девочки учились в гимназии, их брат — в Реальной училище. Затем Михаил поступил в Политехнический институт, но образование не закончил из-за финансовых трудностей и занятости партийной работой. В РСДРП состоял с 1908 года. Что привело его в политику? Те, кто знал Михаила, отмечали такие черты его характера, как доброту и справедливость.

До революции он работал в Петроградской «Правде». Летом проходил студенческую практику в Борисоглебске и Лисках как помощник машиниста, так что его биография связана и с Воронежской областью. В годы Первой мировой войны служил, проверяя боеприпасы, заказанные для Российской армии на военных заводах США (ЦГИА СПб, ф. 478, о. 3, д. 7352).

По словам современников, Чичканов обладал открытым дружелюбным характером. Любил спорить о политике и умел убеждать. Говорил о проблемах прямо, принимал решения быстро. В тяжелые минуты становился невозмутимым — «лицо словно стальное», «отдавал дельные указания». Ходил в военной форме и кожанке, подпоясанный ремнем, на ремне — кобура с маузером.

Над рабочим столом молодой человек повесил не портрет Ленина, а подробную карту губернии. Тогда Тамбовщина была почти вдвое больше — 66 тыс. кв. км, население — около 4 млн. чел. А времена были «веселые». Начиная с Февральской революции, происходил стихийный захват помещичьих земель крестьянами. Еще при Временном правительстве начались проблемы с зарплатами и безработица. Солдаты, дезертируя с фронта, растащили по деревням не только винтовки, но и пулеметы. Надо было решать проблему с пленными из германской армии и беженцами. Росла преступность. Вспыхивали эпидемии тифа, оспы, «испанки».

Поначалу, как вспоминал Васильев, «Москва ассигнований не отпускала». А к Чичканову то и дело приходили посетители с

прошениями и жалобами. Зарплаты, пособия, деньги на ремонты учреждений, на медикаменты и еду для приютов нужно было где-то брать. И большевики взяли.

25 апреля 1918 года был принят Декрет об единовременном налоге на имущие классы на организацию общественных работ, летнего отдыха для детей и иные общественные нужды. Теперь большевиков не забывают упрекнуть этим налогом. А был он прогрессивным — напрямую зависел от дохода граждан. Именно о таком налоге говорят сейчас, но не решаются ввести. С каждой группы — своя сумма (ГАТО, ф. Р-1, о. 2, д. 38). При этом вкладчики банков и разного рода кредитных учреждений облагались налогом в следующем размере: вклады от 20000 до 40000 — налогом в 10%, далее цифры постепенно росли в прямой пропорции к сумме вклада и самый большой налог взяли со вкладов от 700000 до 1000000 — 50%. Рестораны и кафе первого разряда облагались налогом в 5000 рублей, второго разряда в 2000 рублей, третьего в 1000 рублей. Владельцы фабрик и заводов с числом рабочих не менее 15 уплачивали 2000 рублей за каждую группу в 15 рабочих. Также налог брали с владельцев торговых заведений, банков и банковских контор, домовладельцев, чья недвижимость стоила более 20 000 рублей и с частных лиц, владеющих лошадьми для выездов, то есть породистыми, не для работы, а для прогулок — по 500 рублей за лошадь.

Позже тамбовские большевики были вынуждены собрать налог с урожая, опять же прогрессивный. Он зависел от двух аспектов: размера надела и урожайности (ГАТО, ф. Р-1, о. 1, д. 43). Например, лица, убравшие с 1 до 2 десятин, при хорошем урожае платили 20 рублей, при среднем 15, ниже среднего — 10.

Но большевики не только забирали. Налоги, взятые с населения, и тратились на население — на пособия и зарплаты, культурно-образовательные учреждения, строительство бань и инфекционных лечебниц в уездах, что было важно в условиях угрозы эпидемий. В тот же период в губернии прошел съезд ветврачей, и в села были назначены участковые ветеринары для крестьянских хозяйств. Содержали опытные поля для улучшения сельхозкультуры. Стали делать сельхозинвентарь.

В отличие от всенародно избранного Учредительного собрания, большевики, на мой взгляд, не были легитимной властью. Но Тамбовщине повезло с Чичкановым. О нем нужно судить не как о представителе партии, далеко небезупречной, а как о добросовестном руководителе, который делал для людей все, что мог. Работу чиновников оценивают, в том числе, по тому, насколько они способны позаботиться о самых уязвимых группах населения. На Тамбовщине было много тех, кто нуждался в помощи, поэтому затрону тему соцподдержки.

Приюты и богадельни здесь существовали еще до революции, власть занялась их реорганизацией и созданием новых. Кроме финансирования, проводилась проверка — от соответствия персонала должностям до состояния зданий, в частности, есть информация о том, как обнаруженные проблемы этих учреждений решал Борис Васильев, ставший одним из ведущих сотрудников Губисполкома.

Для матерей, которые оказались в трудной финансовой ситуации, был создан кризисный центр. Назывался он просто — «Убежище». До революции действовал как Дом подкидышей, где женщина оставляла новорожденного и уходила. Но все изменилось — теперь мать имела возможность не расставаться с ребенком, а устроиться в это учреждение кормилицей на зарплату. Ей давали возможность привыкнуть к ребенку и со временем найти работу, чтобы обеспечивать его и себя. С женщинами работали специалисты, консультируя, как ухаживать за детьми.

Еще одной группой населения, требующей помощи, были инвалиды-фронтовики Первой мировой. Некоторые были одиноки, или семьи от них отказались. Для таких солдат были построены приюты в Тулиновке под Тамбовом, а также в Спасском, Кирсановском, Шацком уездах. Также работала протезная мастерская.

Безработным требовался источник существования. При Чичканове на Тамбовщине прошло четыре съезда Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, где власть отчитывалась о проделанной работе. Уже на втором съезде Васильев, выступая от Комиссариата труда, сообщил: «...ни одна кухарка, ни один рабочий из Тамбова

не остались без социального обеспечения. На бирже труда числится 3000 человек. Для 500 нашли работу».

Действовала организация, которая также помогала пленным и беженцам — Пленбеж. Губисполком предоставлял желающим русское гражданство. Со временем часть пленных вернулась на родину, а те, кто разделял взгляды большевиков, вступили в Интернациональный отряд. Позже чужаки-«интернационалисты» будут вызывать гнев населения, но все начиналось хорошо, и местная власть вряд ли хотела негативной реакции. Просто пыталась пристроить пленных к делу.

Когда Центр стал выделять деньги, то не сразу принимал сметы, экономил на провинции, зато с первых дней требовал хлеба и новобранцев. Чичканов приезжал в Москву, ходил по кабинетам, отстаивая интересы земляков. Нарком Григорий Петровский вспоминал, что Михаил тогда напоминал чернорабочего, но в то же время был похож на молодой дубок, который невозможно согнуть, только сломать.

Равнодушный к своим личным интересам, Чичканов становился практичным и дальновидным, если речь заходила о нуждах населения. Вопрос отопления Тамбова в послереволюционное время был очень актуален, топлива не хватало. В 1919 году Чичканов организовал строительство узкоколейки из Тулиновки в Тамбов для подвоза дров и торфа. Последний доклад о ходе строительства сделал 22 сентября, в свой последний рабочий день. Видимо, понимал важность этого проекта. Дорога была построена, но в 30-е годы необходима в ней отпала — город перешел на уголь. О разобранной узкоколейке вспомнили в 1941 году, когда тамбовские предприятия оказались отрезаны от поставок донецкого угля. Оказалось, она жизненно необходима. Узкоколейку срочно восстановили, поставки по ней торфа и дров спасли город.

Чичканов стремился поднять образование и культуру Тамбовщины на высокий уровень. Несмотря на ограниченный местный бюджет, Губисполком в первый же месяц поддержал несколько важных проектов. 9 апреля 1918 года постановил: «Признать необходимым существование Университета

в Тамбове». вуз получил помещение и финансирование, открытие состоялось осенью. Сейчас пишут, что были только агрономический и педагогический факультеты. Но на заседании Губисполкома 22 июля 1919 года утверждена смета по приспособлению здания для 2-го курса медицинского факультета. Планировали создание лесного. (ГАТО, ф. Р-1, о. 1, д. 52).

На трех факультетах обучалось более 2000 человек.

«После телеграммы А.В. Луначарского о переходе Тамбовского университета с 1 сентября в ведение Комиссариата по Просвещению, по словам организаторов, "как Тамбовское Общество, так и представители Советской власти с этого момента имели все основания считать, что Тамбовский Университет становится государственным учреждением и может рассчитывать на финансирование из общегосударственных источников". Однако это финансирование еще нужно было получить. А в сентябре еще не закончилось оборудование кафедр, работы по приспособлению здания для агрономического факультета, только началась покупка мебели, предстояли значительные затраты», пишут историки В. Канищев и Н. Будюкина. А следующим документ у нас в Протоколах Губисполкома, который не бросил вуз на произвол судьбы: «6 сентября 1918 г. Президиум Губисполкома предлагает выдать аванс в размере 73000 рублей для Правления Общества Тамбовского университета из сумм, внесенных Губпродкомом со специальным назначением на Университет, выяснив у сообщества и получив от него указания, на какие статьи будут расходоваться выданные деньги. Председатель Чичканов».

Москва не спешила снабжать Университет и утвердила его создание только в январе 1919 года. А после ухода Чичканова вуз потерял поддержку — его разделили на два института, потом превратили в рабфак, прозябание длилось десятилетия, до 1994 года, когда ТГУ возродили и назвали в честь Державина. О Чичканове в перестройку не вспомнили — большевик.

В 1918 году Тамбовское музыкальное училище, уже существовавшее до революции, было преобразовано в Народную консерваторию, в структуре которой были созданы всевозрастные просветительские Курсы общего музыкального образования. Затем На-

родная консерватория была трансформирована в Государственную консерваторию. А Курсы стали трудовой школой при вузе, которая могла обеспечить начальное и среднее профессиональное музыкальное образование. Но после ухода Чичканова консерваторию не стали развивать, она скатилась до статуса техникума. И только в 90-е вуз возродился, училище было преобразовано в Тамбовский государственный музыкально-педагогический институт им. С. Рахманинова. Курсы тоже не исчезли, они носили разные названия, в декабре 1992 года стали Колледжем искусств.

Что примечательно, ныне те, кто рассказывает о развитии культуры и образования в Тамбове, избегают упоминать о Чичканове. Принадлежность к компартии сделала его изгоем в глазах современных историков и краеведов. Факты его биографии искажают, и, вероятно, считая, что уличить во лжи некому.

Что касается среднего образования, произошла реорганизация старых учебных заведений и открытие новых. Судя по архивным документам, порой на школьное образование Губисполком выделял до миллиона рублей одновременно. Школьников из бедных семей обеспечивали не только учебниками, но и питанием, одеждой, поощряли творческие кружки, особенно театральные.

Губисполком волнует вопрос досуга городского и деревенского населения. 4 апреля 1918 года одним из первых постановлений Чичканов запретил азартные игры, изготовление и распитие спиртного под угрозой крупного штрафа или тюремного заключения. Зато поощряется создание театров при школах, заводах и военных частях, даже для военнопленных бронируют ряд мест в кинематографе.

И в 1919 году не раз на страницах журнала «Вестник Тамбовского губернского отдела управления» поднимается тема карточных игр и пьянства в глубинке. Губисполком создал сеть Народных домов в селах, где люди могли бы не только участвовать в самодеятельности и посещать концерты, но и обучаться грамоте. Потом эти учреждения станут клубами и ДК.

Только за 1918 год, по данным статистики, на территории Тамбовской губернии было реорганизовано или открыто в сельской местности 389 библиотек, изб-читален. Их фонд насчитывал около 33 тысяч экзем-

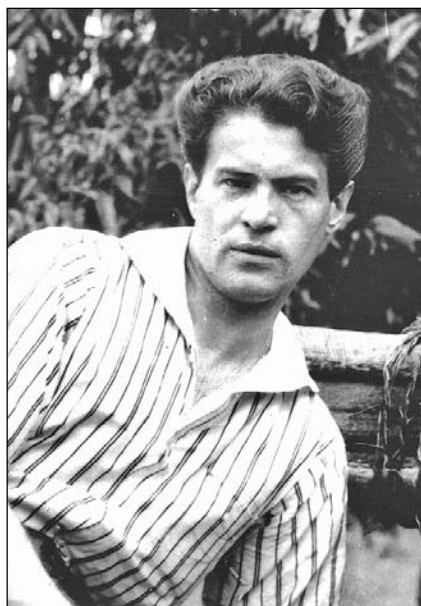
пляров книг. Библиотеки в селах были и раньше, но многие состояли из десятка книг архаичного содержания, их фонд нуждался в обновлении, теперь они пополнились за счет книжных собраний из помещичьих усадеб.

* * *

Театральная жизнь в Тамбове началась еще во времена Державина, она то вспыхивала, то угасала. В предреволюционные годы театр переживал не лучшие времена. «Звезды» здесь появлялись заезжие, репертуар состоял из водевилей и комедий, из серьезных произведений ставили только пьесы Горького. Здание тоже не радовало. Известный актер В. Качалов, в очередной раз побывавший в Тамбове в 1914 году, назвал театральное здание сараем, отметив, что прежнее было не лучше. В 1917-м, при Временном правительстве, когда жалованье не платили и всюду царил хаос, театральная группа прекратила деятельность. В марте 1918 года к Чичканову пришел некто Григорий Гаррис. Он заявил, что является артистом, предложил проект создания нового Советского театра и попросил финансирования. Казалось бы, хорошее дело, но нужно отдать должное Чичканову, он старался все предусмотреть и не действовал безоглядно. Проситель предъявил мандат от эсера Евфорицкого, на тот момент возглавлявшего местный Наркомат. Но Чичканов постарался узнать, что представляет собой Гаррис, и дал отповедь его покровителям, вежливую, но категоричную: «Уважаемые товарищи! Просим Вас отозвать Вашего уполномоченного по Театральному делу гражданина Гарриса, так как отовсюду получаем сведения про его пьяные выходы и выклянчивание денег. Предупреждаем, что в противном случае нам придется принять соответствующие меры для ограждения престижа Советской власти» (ГАТО, ф. Р-1, о. 1, д. 37).

Престиж, репутация, доброе имя — эти понятия всегда имели для Чичканова огромное значение, шла ли речь о Советской власти, о местных парработниках или о нем самом.

Вскоре, в апреле 1918-го, пришел другой человек, который тоже ратовал за создание театра и на этот раз отказа не последовало. Тамбовский режиссер А.Н. Смирнов в книге «Театр и вся жизнь» (Тамбов, 2005) пишет:

М.Д. Чичканов. 1919 год

«Именно в это время, в первые дни по формировании Губисполкома, во главе которого встал Михаил Чичканов, в Тамбове оказался заброшенный перипетиями Гражданской войны профессиональный актер Алексей Артуновский, человек инициативный и энергичный. Он обратился к Чичканову с предложением создать в городе театр драмы.

Михаил Дмитриевич Чичканов принадлежал к той редкой категории революционеров, которая умела не только разрушать, но и создавать. Он был достаточно образованным человеком, обладал живым умом, сильной волей, развитым вкусом и искренним желанием усовершенствовать жизнь в соответствии с высокими идеалами. Предложение Артуновского он поддержал самым действенным образом. Несмотря на вполне объяснимые бюджетные трудности, средства на создание театра были выделены. Была создана специальная общественная комиссия под председательством директора Музыкального училища Соломона Моисеевича Старикова. В нее вошли педагог Суханов и Артуновский. По решению Губисполкома было национализировано помещение частного кинематографа, командированный в Москву для формирования труппы, заключил контракт с режиссером Василием Бардиным.

Совместно подобрали на бирже очень неплохой коллектив. Первого мая 1918 г. спектаклем "Власть тьмы" в городе открылся Первый Советский Свободный театр, названный так в соответствии со стилистикой тех лет».

Нужно уточнить, что поначалу театр назывался Народным. За один сезон там поставили 50 спектаклей, преимущественно по классике — Шекспир, Шиллер, Островский, Толстой, Чехов, Лесков. После рейда Мамантова он прекратил существование. Но вскоре в здании бывшего Дворянского собрания открылся новый профессиональный театр, именно его называли Советским.

Упомянутый Соломон Стариков, еще до революции получивший ряд наград как дирижер и преподаватель, в 1919 году возглавил Тамбовский музыкальный округ, в который вошли, помимо Тамбовской, несколько губерний: Воронежская, Курская, Брянская, Орловская. Методической, просветительской, концертной деятельностью округа руководила Тамбовская консерватория.

В городе выступали Духовая и Симфонический оркестры, Народный хор. Работал кинематограф. Пополняли фонд музея. С чем произошло промедление? С охраной старинных усадеб. Но вспомним, в каких условиях приходилось работать Губисполкому.

* * *

Советские учреждения Тамбовщины были обязаны выполнять указания Центра, касающиеся отделения церкви от государства.

Положение церкви в Тамбовщине определяли четыре фактора:

- политика Правительства, которому подчинялся Губисполком;

- политика самого Губисполкома, который мог принимать некоторые решения на местном уровне;

- произвол чекистов, которые подчинялись ВЧК и действовали по своему усмотрению, особенно в уездах, далеко от Тамбова;

- поведение самих церковников по отношению к новой власти.

Советская власть изначально воспринимала церковь как пособницу самодержавия. Но и церковь сочла большевиков врагами всего святого. 17 февраля 1918 года в Тамбове прошел крестный ход против Декрета об отделении церкви от государства. Горсо-

вет, который тогда возглавлял Чичканов, накануне сделал заявление о том, что в связи с провозглашением свободы вероисповедания крестные ходы не запрещаются. Известно, был ли Чичканов атеистом, однако, он крещен во Введенской церкви Тамбова, венчался с женой в Троицкой церкви и крестил детей. В его выступлениях и других текстах не встречается ни одного высказывания против Бога, есть два критических отзыва о священниках, которые солидарны с контрреволюционерами, но это явления разные. До наших дней дошли воспоминания, что он прислушивался к мнению верующей матери.

На Тамбовщине 1918–1919 годах Губисполком уделял много внимания деликатному отделению церкви от государства. Об этом говорили на совещаниях и рассуждали в партийной печати. Если в уездах совершались ошибки, Губисполком спешил исправить ее.

«Коллегией Кирсановского У.О.У. принято постановление об аресте священника Грибановского и некоторых граждан: первого за то, что хоронил умерших без разрешения Волсовета, а последних — за уклонение от регистрации случаев смерти. Губотдел управления распорядился отменить постановление как незаконное» («Вестник Тамбовского губернского отдела управления») №13-14, 1919 г. Тамбовская эл. библиотека).

Губком в свою очередь не оставался в стороне. Так, Спасский уездный комитет адресует в Тамбовский Губком послание: «Уездный Комитет партии коммунистов/большевиков просит пояснить, имеет ли право коммунист венчаться в церкви при вступлении в брак и правильно ли поступила партия, вынося постановление, запрещающее коммунистам венчаться у попа при вступлении в брак. Это постановление повлекло за собой трагические случаи. Председатель Комитета партии. Секретарь». Резолюция Губкома на документе: «Сообщить, что стыдно Комитету партии выносить такие постановления. Никто не имеет право насильствовать волю другого».

У большевиков была сила. У церкви — влияние на прихожан, и далеко не все священники остались вне политики. Бывала пара случаев, когда во время восстаний или белоказачьих налетов батюшки обстреливали «красных» из пулеметов с колоколен, так, например, произошло накануне входа Ма-

мента в Тамбов. Не раз священнослужители духовно поддерживали восстания в селах, например, служили благодарственный молебен, когда из населенного пункта изгоняли советских работников. Ведь атеистическая власть священнослужителям, разумеется, была чужда, а царская, ушедшая, соответствовала их представлениям. Но священник, принявший участие в борьбе, из духовного лица превращался в политического противника и должен был осознавать, что к нему отнесутся соответственно.

Первый конфликт церкви и Советской власти в Тамбове — арест не более, чем на сутки ректора Духовной семинарии Николая Хильтова, который распространял послание Патриарха Тихона и воззвание Священного собора. Послание до сих пор носит название «Анафема большевикам». На тот момент тамбовские большевики даже не закрыли церковь при учреждениях, но духовенство уже было настроено негативно, провоцируя мирян. Хильтова отпустили без последствий.

Некоторые решения Советской власти меня приятно удивили, я не ожидала от большевиков такой лояльности.

«От Губернского Отдела труда. В дополнение к опубликованному в №14 местных «Известий» праздничным дням и на осн. п. 8. Правил о еженедельном отдыхе и праздничных днях Кодекса Законов о труде, Губернский Отдел труда доводит до всеобщего сведения список дней отдыха, установленный Тамбовским Губернским Центральным Советом Профсоюзов и утвержденный Наркоматом Труда.

- 1-2. Рождество Христово, 7–8 января.
- 3. Благовещение, 7 апреля.
- 4-5. Второй и третий день Пасхи (понеделник и вторник).
- 6. Вознесение.
- 7. Духов День (второй день Троицы).
- 8. Преображение, 19 августа.
- 9. Успение, 28 августа.
- 10. Николай угодник, 19 декабря.

Указанные выше дни отдыха оплате не подлежат» («Вестник Тамбовского губернского отдела управления» №9 1919 г., далее называю его просто «Вестник»).

Губисполком и сам порой не работал в дни православных праздников, причем оповещал об этом всю губернию. С заседания под председательством Чичканова. «Поста-

новлено: в дванадцатый праздник 6 августа (Преображение — М.С) по старому стилю работ не производить. Работы в Военном и Продовольственном комиссариате производить в течение 3 часов» («Известия» № 136, 1918 г.).

Тамбовский Губисполком неоднократно разрешал шествия как по губернии, так и по Тамбову с Вышинской иконой Божией матери, о чем сообщал в своем издании. Например: «В Заседании Тамбовского Губисполкома 6-го мая было заслушано ходатайство Тамбовского Епархиального Совета о разрешении хождения Вышинской иконы по селам Тамбовской губернии. Губисполком препятствий к приносу Вышинской иконы по желанию верующих в отдельные местности Тамбовской губернии принципиально не встретил, но с тем неперенным условием, чтобы шествия религиозного характера при встрече иконы происходили каждый раз с разрешения местной Советской власти» («Вестник» № 15 1919 г.).

Не только к советским праздникам выдавали дополнительные продукты.

«Поручить Президиуму совместно с представителями Продорганов разрешить вопрос о добавочных выдачах продуктов населению к празднику Пасхи. Пшеничную муку, по возможности, выдавать для детей» («Вестник» № 10, 1919 г.).

Если церкви при учреждениях закрывались в рамках Декрета по отделению Церкви от государства, то следует прояснить такой факт — остальные церкви не закрывались, их передавали коллективам прихожан, согласно Декрету: «Здания и предметы, предназначенные специально для служебных целей, отдаются по особым постановлениям местной или центральной государственной власти в бесплатное пользование соответствующих религиозных сообществ», однако это подразумевало содержание здания — в частности, ремонт, отопление, к чему люди готовы не были. Их тоже можно понять — в сложные времена приоритетна работа о собственном доме. В итоге здания церковью, которыми все же не хотели заниматься верующие, становились, по сути, бесхозными и изымались государством.

А монастыри действительно закрывали во всех регионах под разными предлогами — такова была политика Центра. Молодые

монахи должны были уйти в мир и найти работу, пожилым предлагали переселиться в приюты. Хотя по факту в тамбовских монастырях в 1918-19 годах продолжали жить насельники, деля территорию с обычными учреждениями, занявшими некоторые здания. Власти не выселяли монахов, но монахи сетовали на то, что в монастыре хозяйничает миряне, к примеру, забирая мебель для учреждений. «После принятия в 1918 г. Декрета об отделении церкви, все монастыри в бывшей Российской империи прекратили свое официальное существование. Однако в Тамбовской епархии на 1919 г. в действительности было ликвидировано лишь три обители (Иоанно-Предтеченский Трегуляевский мужской монастырь, Терская Казанская женская община и Казанский Богородичный мужской монастырь), остальные так или иначе продолжали существовать, чаще всего избрав для себя статус сельскохозяйственной артели или коммуны. Такое положение было экономически выгодно уездным и волостным властям, так как «коммуны» и артели были неплохими производителями», пишет преподаватель Тамбовской духовной семинарии, краевед О. Левин в своем исследовании «Тамбовское монашество в годы гононий».

Причиной закрытия монастырей, по объяснению тамбовских властей, порой становилось то, что там укрываются контрреволюционные элементы, в частности во время восстания 17–19 июня 1918 года его участники нашли поддержку в Казанском монастыре. Насколько это соответствует реальности, неизвестно. Несколько трагических случаев расстрелов священнослужителей произошло в отдаленных уездах во время восстаний — обычно чекистами, у которых было право расстрелов без суда в такой обстановке, данное Центром.

Кстати, меня удивило безразличие тамбовчан к закрытию монастырей. Многочисленные локальные восстания на Тамбовщине, в ходе которых восставшие даже использовали пулеметы и отбирали у «красных» орудия, происходили отнюдь не из-за закрытия монастырей, а из-за продразверстки, из-за мобилизации людей и лошадей, и только от силы два восстания из-за того, что у церквей изъяли метрические книги. Почему интересы церкви были для людей не так важны? Не

потому ли, что она чаще выражала интересы самодержавия, чем простонародья?

22 февраля 1919 года произошло вскрытие мощей св. Птитирима. Все действия производили представители церкви в присутствии группы парработников. Мощи рассмотрели, закрыли. Хотели оставить открытыми, чтобы верующие видели объект поклонения полностью, но представители церкви не согласились, и парработники не настаивали. Целью осмотра было выяснить, действительно ли мощи представляют собой нетленное тело или выглядят иначе? Акт осмотра опубликован в «Вестнике» № 4 1919 года и доступен каждому на сайте Тамбовской эл. библиотеки.

На мой взгляд, отделение церкви от государства хотя и делало ее беднее, но в то же время освобождало от обязательств по отношению к правительству — в частности одобрения и благословения всех его спорных инициатив. Она могла бы сосредоточиться только на духовном, не касаясь политики. Но в обмен на материальные блага постепенно снова стала опорой чиновничьего аппарата, каковой и была перед Революцией.

* * *

Сегодня краеведы, кажется, зациклены только на проблемах продразверстки, навязанной Тамбову Центром, словно ничем иным тамбовские большевики не интересовались. Заседания Губисполкома проходили почти каждый день, на них решали сотни разнообразных вопросов: восстановление лесов, обработка полей, развитие пчеловодства, снабжение города чистой водой, издание прессы, отдых детей из голодающих губерний на Тамбовщине... Финансировали Бактериологический институт, который вел научную работу, дали новое здание. Институт поставил вакцину от оспы для прививочной кампании, проведенной по решению Губисполкома.

Во всем требовалось разбираться, за все отвечал Председатель. Часто работая по ночам, Чичканов редко появлялся дома. Почти не оставалось времени на общение с семьей — женой Марусей и маленькими дочками, Олей и Таней. Вот, например, вьюжной ночью 30 декабря 1918 года он дает телеграмму из Пушкарей о том, чтобы срочно чистили от снежных заносов пути, перечисляет станции —

сам проверил железные дороги губернии, чтобы утром прошли поезда. После него занял пост Антонов-Овсеенко, который не отнесился к населению так же ответственно, и уже в декабре 1919 года в снегу застрял эшелон с новобранцами, все замерзло в чистом поле, — рассказывает А. Окнинский в мемуарах «Два года среди крестьян».

Чичканов мог бы делегировать полномочия подчиненным, но доверять было некому. Проблема, которая преследовала его с первых до последних дней работы — отсутствие надежных кадров. Вот что пишет он Наркомму Григорию Петровскому: «В халатности обвинять нас не приходится, в медлительности — да. Это объясняется тем, что наши ответственные товарищи, разрываясь на части, не могут попасть во все места сразу. По ближайшим волостям приходится ездить и Председателю Губисполкома» (ГАРФ, ф. 393, о. 1, д. 140).

Квалифицированных и честных сотрудников особенно не хватало в уездах, где крестьяне становились жертвами прорвавшихся в Советы и комбеды асоциальных личностей. Пьянство процветало в советских учреждениях на периферии, а чекисты, избалованные Москвой, позволяли себе лишнее даже в Тамбове. Так, председатель Губчека Иосиф Якимчик устроил загул в гостинице губернского центра. Председатель Тамбовской уездной ЧК Ян Крумин пишет в Тамбовский Губком: «6-го декабря с.г. (это 1918 год — М.С.) мне было сообщено, что в Советской гостинице, бывшей Рябова, в 8-м номере происходит пьянство и кутеж. Прибыв поздно вечером туда, я застал уже дежурного сотрудника Губчрезвычайком с другими тов. внизу в гостинице, вместе с которыми и пошли в 8-й номер. Там нашли только тов. Янкина, члена Губчрезвычайком, притворяющегося спящим на постели. Других лиц не было. В воздухе ясно чувствовался резкий запах спирта. Внизу около выхода застали пьяного председателя Губчрезвычайкома Якимчика, с которым пошли в 8-й номер. По заявлению товарищей, до нашего появления член Губчрезвычайкома тов. Гриднев бежал даже со стаканом по коридору... Установлен также факт, что пьянство происходило в присутствии девиц легкого поведения», — однако Якимчик был оправдан, якобы за неимением доказательств и свидетелей, и он

еще не раз выходил сухим из воды, видимо, благодаря покровителям из столицы (ГАСПИТО, ф. 840, о. 1, д. 66, следственные материалы партийного суда).

В селах партработники, тем более, чувствовали себя царьками, по-своему толкуя законы, пока не поймает за руку проверяющий из Тамбова. Чичканов пытался бороться с этой ситуацией. Открывая IV съезд Советов в Тамбове, возмущенно констатировал: «Наблюдались случаи недопустимого действия в уездах губернии некоторых Исполкомов и позорного поведения их членов, например, в Шацке, Усмани, Темникове, где имели место пьянство, мародерство, насилие над женщинами и терроризация местного населения». Он призывал «раз и навсегда положить конец подобному злу», «карьать беспощадно примазавшихся мерзавцев и негодяев».

В феврале 1919 года в журнале «Вестник Тамбовского губернского отдела управления» появляется публикация «К всеобщему сведению»: «Отстранены от Советской работы и заключены в тюрьму члены Коммунистической партии и ответственные работники Шацкого Совдепа: председатель Исполкома Хлыстов, заведующий Медико-санитарным отделом Кабанов, Председатель ЧК Кордончиков, заведующий Пленбежем Борзин, заведующий Подотделом отделения церкви от государства Ефремов и заведующий Отделом управления Алябьев, которые позволили себе открыто и порочно пьянствовать и всю свою деятельность дали основание обвинять их в недобросовестном и преступном отношении к возложенным на них обязанностям. Губернский комитет передает их дело в Революционный Трибунал, чтобы оно было расследовано во всех подробностях, чтобы виновные были привлечены к суровой ответственности по законам революционного времени, чтобы карающая рука рабоче-крестьянской справедливости могла с корнем вырвать этот чертополох, выросший в Шацком уезде. Так же будет поступлено со всяким, примазывающимся к Советской власти и Коммунистической партии», — ниже подписи Председателя Губисполкома Чичканова, Председателя Губкомболя Орловского и двух секретарей.

Также на нары отправляют военкома Самодуровской волости за грубое обращение с новобранцами и председателя волиспол-

кома за пьянство, передают Трибуналу председателю районного ЧК Токаревки. В уездах, глядя на пример Чичканова, тоже не церемонились с нарушителями порядка. Например, расстреляли и пересадили ряд милиционеров за воровство и другие преступления. Убили при задержании группу чекистов.

В сентябре 1918 года на открытии III Съезда в Тамбове один из докладчиков оповестил: «Публично расстреливается комиссар продовольствия Сермягин. Сейчас доложили, что приговор приведен в исполнение (Шумные аплодисменты). Сермягин, облеченный доверием и широкими полномочиями Центра, занимался пьянством, кутежами, разъезжал на автомобилях с проститутками, присвоил и растратил 70 тысяч казенных денег» (ГАТО, ф. Р-1, о. 1, д. 21). Расстрел продкомиссара произвели в центре Тамбова у Нарышкинской читальни под руководством представителя Губсовета. После казни тот сказал публике краткую агитационную речь, пояснив, что так Советская власть карает пробравшихся в ее ряды преступников, какой бы высокий пост они ни занимали. А ведь Сермягин прибыл из Москвы.

Губсовет, Совдеп — Губернский Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, которые избирали Губисполком на определенный срок. Чичканов в телефонных переговорах представлялся как Председатель Совдепа. А крестьяне называли его просто — большевистский губернатор.

Главное, чтобы Губисполком узнал о преступлении чиновников, но ведь многое утаивали, особенно на окраинах губернии, поэтому он через газету обращается к населению Тамбовщины с просьбой информировать губернский центр о нарушениях закона в уездах.

Поскольку работа советских учреждений на местах осложнялась нарушениями, от которых страдало население, Губисполком предложил создать школу инструкторов, которые будут направлены в уезды для контроля и разъяснения людям новых законов. Выпускники этой школы продолжат работу и после ухода Михаила Дмитриевича. Беда в том, что инструкторы тоже иногда брали взятки...

Что касается Губчека, по документам можно проследить попытки Губисполкома

контролировать эту организацию. Но вряд ли это удавалось, поскольку она подчинялась ВЧК. Привожу примеры из документов, так сказать, с внутренней кухни Губисполкома — с заседаний, где руководство губернии откровенно обсуждало проблемы. Протоколы за 1918–1919 годы хранятся в ГАСПИТО.

6 июля 1918 года поднимают вопрос о правомерности действий ЧК в борьбе с контрреволюцией. Оказывается, в тюрьме ЧК накануне, в ночь с 4 на 5 июля расстреляли 11 участников эсеровского восстания 17–19 июня 1918 года. Но для тамбовских руководителей это не обыденное событие, а нечто из ряда вон выходящее. Значит, расстрелы были очень редки. Представители Губисполкома не стесняются в выражениях: «Расстрелы в Тамбове, как произведенные без суда и даже без ведома верховного органа власти в губернии — Совдепа, нельзя даже рассматривать как казнь. В этой обстановке, в которой расстрел произведен, это есть простое убийство, притом убийство безоружных и беззащитных людей в застенке» (ГАСПИТО, ф. П.-385. о. 1. д. 199). Сначала у чекистов отобрали дела остальных арестантов, потом вернули с определенным условием. «Губисполком постановил: смертные приговоры ЧК должны быть утверждены Президиумом Губисполкома и Комитетом партии». Ниже подписи Чичканова и секретаря. Можно задаться вопросом: зачем Губисполкому и лично Чичканову вникать в такие дела? А чтобы не допустить гибели виновных людей. Но, думаю, Губчека не подчинилась, поскольку утвержденных Губисполкомом смертных приговоров я в архивах пока не видела, несмотря на большой объем изученных дел.

Попытки Губисполкома давить на Губчека встречаются постоянно. По словам родственников Михаила Дмитриевича, у него «с чекистами была вражда», а жена Чичканова, как пишет в мемуарах его племянник — профессор Н.П. Грушинский, говорила впоследствии: «гибель Миши — дело рук ЧК».

Не знаю, в чем причина неприязни Чичканова к Губчеку. Возможно, его раздражала жестокость чекистов по отношению к населению, к которому он относился бережно.

Протокол заседания от 1 октября 1918 года. Неизвестно, в чем провинились чекисты,

в то же время «слушали: доклад товарища Чичканова о печальных событиях, происшедших недавно в ЧК. Постановили: предложить Губкому партии немедленно сделать полную ревизию Чрезвычайной комиссии». Как думаете, чекистам это понравилось? В тот же день «слушали: телеграмму наркома внутренних дел Петровского о желательности резолюции исполкома о положении ЧК или как подотдела управления или оставление ее в настоящем виде. Постановили: ЧК считать Подотделом Отдела управления». Каков смысл этого документа? Народный комиссар Внутренних дел Григорий Петровский предоставлял губернской власти возможность подчинить ЧК, сделав даже не отделом, а подотделом Губисполкома.

13 октября 1918 года в Губисполком сообщили, что ЧК реквизировала вино и наложила печати на свечной заводик. Губисполком постановил: «вино и ключи от завода немедленно сдать в совнархоз». Попутно была обнаружена лавка при чрезвычайке — 19 октября 1918 года Губисполком приказал ее закрыть, продукты конфисковать, передать в Отдел снабжения и опубликовать о происшедшем в газете.

Чекисты в 1919 году хотели занять помещения закрытых монастырей под свои тюрьмы. Но при Чичканове Губисполком им отказал. Однако они заняли помещения, как только бывший Председатель погиб.

Естественно, контроль со стороны Губисполкома раздражал чекистов, я встречала жалобу Председателя Губчека лично на Чичканова: не дает транспорт, что тормозит работу ЧК.

1 февраля 1919 года на заседании Губисполкома обсуждали ходатайство Кирсановского Уездного комитета большевиков и Уездного исполкома о сохранении в Кирсановском уезде Чрезвычайной комиссии. Ходатайство Губисполком отклонил. Кирсановскую ЧК закрыли, это могло не понравиться ее сотрудникам. Чичканов погиб 14 октября 1919 года именно в Кирсановском уезде.

Тамбовские большевики при Чичканове не надеялись на поблажки. 14 января 1919 года в Москву отправили отказ от спецпайков для всех отделов Губисполкома (документ хранится в РГАСПИ).

Характерный пример: когда в марте 1919-го в Тамбове стало заканчиваться топ-

ливо, Губисполком запретил отопление советских учреждений. Оставшиеся дрова приказал разделить между больницами, богадельнями, пекарнями. Сложно представить современного чиновника, который согласится мерзнуть в своем кабинете ради простых граждан.

О гуманном отношении Чичканова к людям, в том числе оппозиционно настроенным, говорят факты. Например, 17–19 июня 1918 года в Тамбове произошло восстание, которое возглавила группа офицеров-контрреволюционеров. Чичканова арестовали, угрожали расстрелять. Но красноармейцы пришли на выручку и восстановили Советскую власть. Родственники двух арестованных ЧК офицеров-повстанцев, Аносовых Николая и Александра, обратились к Чичканову за помощью. Тот лично приехал к несчастной семье и пообещал освободить их. Обещание выполнил. Человек не трусливый — человек не мстительный. Позже родственница Аносовых упомянула этот факт в мемуарах («Мы живем поверх страны, пропавшей без вести» Е. Дьякова).

Кроме ареста, в период работы Чичканов пережил два покушения. В него стреляли на ночной улице. Кто? Эсеры или чекисты, которые устали от его контроля? Третьим, удавшимся, покушением было убийство Чичканова на озере Ильмень за неделю до тридцатилетия. И снова неясно, кто виновен: антоновцы, как утверждала советская пресса, или чекисты? Пока есть единственная подтвержденная документально фамилия участника убийства — бывший сотрудник Губчека Екимов (ГАСПИТО, ф. 840, о. 1, д. 1091, л. 7.).

Свою гибель, по словам близких, молодой руководитель предчувствовал, но пост не покинул. Продолжал работать преданно и обреченно, пока родная Советская власть не уволила его, возложив вину за сдачу Тамбова Мамантову, хотя к этому привело отсутствие оружия, не присланного Штабом Южного фронта.

Удивляет то, что за 106 лет, прошедших со дня гибели Михаила Чичканова, не была изучена его биография, не сняли документальный фильм, не поставили памятник. Несмотря на то, что этот самоотверженный человек с трагической судьбой сыграл значительную роль в истории Тамбовщины.